

Френсис Скотт Фицджеральд

Ледяной дворец

*Часть сборника
Загадочная история
Бенджамина Баттона
(сборник)*

Френсис Фицджеральд
Ледяной дворец

«ЭКСМО»

1920

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фицджеральд Ф. С.

Ледяной дворец / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо», 1920

«Дом был облит золотистой охрой, словно декоративная ваза, и редкие пятачки тени давали особенно почувствовать напор затопляющего света. Дома ближайших соседей, Баттеруортов и Ларкинов, прятались за высокими раскидистыми деревьями, а дом Хэпперов стоял на самом солнцепеке и целый день с добродушным терпением караулил пыльную дорогу. Место действия – Тарлтон, в самом южном углу штата Джорджия, время – сентябрь, полдень...»

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Фицджеральд Ф. С., 1920

© Эксмо, 1920

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Френсис Скотт Фицджеральд

Ледяной дворец

I

Дом был облит золотистой охрой, словно декоративная ваза, и редкие пятачки тени давали особенно почувствовать напор затопляющего света. Дома ближайших соседей, Баттеруртов и Ларкинов, прятались за высокими раскидистыми деревьями, а дом Хэпперов стоял на самом солнцепеке и целый день с добродушным терпением караулил пыльную дорогу. Место действия – Тарлтон, в самом южном углу штата Джорджия, время – сентябрь, полдень.

Сверху, из спальни, опустив на подоконник подбородок, девятнадцатилетняя Салли Кэррол Хэппер наблюдала за стареньким «фордом» Кларка Дарроу, свернувшим к их дому. Автомобиль дышал жаром, солнце и мотор нещадно накалили его металлические части, и сам Кларк Дарроу, со страдальчески-напряженным выражением оцепеневший за рулем, ощущал себя частью механизма, и притом весьма ненадежной. Под протестующий скрежет колес он осторожно переехал присыпанную пылью наезженную колею, потом, ожесточившись лицом, до отказа вывернул баранку и в целости доставил себя и автомобиль почти к порогу дома. Мотор издал жалобное агонизирующее бормотание, наступила тишина, и воздух разрезал резкий свист.

Сонными глазами смотрела вниз Салли Кэррол. Ей захотелось зевнуть, но для этого требовалось поднять голову, и, подавив зевок, она продолжала молча созерцать автомобиль, между тем как его владелец, застыв в картинно скужающей позе, ждал ответа. В следующую минуту новый свист пронзил пыльное безмолвие.

– Доброе утро.

Кларк ужом потянулся из кабины и скосил глаза на окно.

– Утро ты уже проспала, Салли Кэррол.

– Правда?

– Что делаешь?

– Яблоко ем.

– Поехали купаться?

– Можно.

– Тогда, может быть, поторопишься?

– Может быть.

Салли Кэррол глубоко вздохнула и с великой неохотой поднялась с пола, где остались следы ее занятий – обкусанное яблоко и раскрашенные для сестренки бумажные куклы. Она подошла к зеркалу, не спеша и с удовольствием полюбовалась на свое приветливое отражение, мазнула помадой губы, припудрила нос и накрыла коротко стриженную русую голову соломенной шляпкой с розочками. Под ноги ей попало блюдце с водой от красок, она чертыхнулась, но прибирать не стала и вышла из комнаты.

– Как дела, Кларк? – спросила она минуту спустя, ловко перепорхнув через бортик кабины.

– Превосходно, Салли Кэррол.

– Куда мы едем?

– На пруд к Уолли. Я обещал Мэрилин заехать за ней и Джо Юингом.

Кларк был смуглый, поджарый, немного сутулился при ходьбе. У него был колючий взгляд и довольно неприветливое лицо, пока он не улыбнется, а улыбался он светло и часто. Кларк имел «доход», которого ему едва хватало на себя и на бензин, и, окончив технический

колледж своего штата, он третий год сонно слонялся по мирным улочкам родного городка, делаясь планами, как выгоднее поместить свой капитал.

Убивать время оказалось совсем не трудным делом; прекрасно поднималась молодая девица поросль, и всех ярче цвела необыкновенная Салли Кэррол; подруг не приходилось упрашивать съездить искупаться, сходить на танцы, поамурничать душистыми летними вечерами, и Кларка они все буквально обожали. От пресыщенности женским обществом спасали приятели, которые собирались в самом скором времени заняться делом, а пока были всегда не прочь составить компанию в гольф или бильярд, посидеть за квартой пшеничной. Время от времени кто-нибудь из них перед отъездом в Нью-Йорк, Филадельфию или Питтсбург делал прощальный обход друзей, но основную массу навсегда засасывал этот рай, где небо навевало грезы, сумерки высыпали светляков, на ярмарках шумели негры и, главное, где водились такие нежные, с мелодичными голосами девушки, прошедшие бесплатную школу семейных преданий.

«Форд» завелся, закипая от раздражения, и Кларк и Салли Кэррол, поднимая пыль, с треском пронеслись по Вэли-авеню и выкатили на мостовую Джефферсон-стрит; миновав редкую россыпь особняков на поверженной в сон Миллисент-плейс, дорога устремилась в центр города. Здесь уже ехать было небезопасно – самое людное время; прохожие беспечно толклись на мостовой, с черепашьей скоростью тянувшийся трамвай гнал перед собой протяжно мычавшее стадо; казалось, и магазины вот-вот сморит глубокий сон – так откровенно зевали их двери и щурились от света витрины.

– Салли Кэррол, – подал голос Кларк, – это правда, что ты помолвлена?

Она быстро взглянула на него.

– Кто тебе сказал?

– Значит, правда?

– Ничего себе вопрос!

– Одна знакомая сказала, что ты помолвлена с янки, с которым познакомилась прошлым летом в Ашвилле.

Салли Кэррол вздохнула.

– Не город, а старая сплетница.

– Не выходи за янки, Салли Кэррол. Что мы без тебя будем делать?

Салли Кэррол минуту помолчала.

– За кого же прикажешь выходить? – спросила она.

– Предлагаю свои услуги.

– Милый, – развеселилась она, – где тебе содержать еще и жену? И потом, я слишком хорошо тебя знаю, я не смогу влюбиться в тебя.

– Это не причина, чтобы выходить за янки, – настаивал Кларк.

– А если я его люблю?

Он покачал головой.

– Это невозможно. Он не нашей породы.

Автомобиль встал перед широко раскинувшимся ветхим домом, и разговор прервался. На пороге появились Мэрилин Уэйд и Джо Юинг.

– Здравствуй, Салли Кэррол!

– Привет!

– Как жизнь?

– Салли Кэррол, – спросила Мэрилин, когда машина тронулась, – ты помолвлена?

– Господи, откуда это все пошло? Хоть не смотри на мужчину – сразу весь город объявит женихом и невестой.

Зацепив взглядом гайку над дребезжавшим ветровым стеклом, Кларк неотрывно глядел вперед.

- Салли Кэррол, – с неожиданным чувством спросил он, – ты что, не любишь нас?
- Кого?
- Ну, всех нас?
- Ты сам знаешь, Кларк, что я вас люблю. Я всех здесь обожаю.
- Тогда зачем выходить замуж за янки?
- Не знаю, Кларк. Я еще ничего не решила... только мне хочется поездить, посмотреть людей. Я хочу развиваться, увидеть настоящую жизнь.
- Что-то я не пойму.
- Я вас всех люблю, Кларк, – и тебя, и Джо, и Бена Эррота, но у вас впереди...
- Одни неудачи, что ли?
- Да. Я даже не про деньги говорю, в вас вообще есть что-то незадачливое, грустное... не могу я тебе объяснить.
- И все потому, что мы остаемся в Тарлтоне?
- Конечно, Кларк, и еще потому, что вам здесь нравится, что вы ничего не хотите менять, не хотите думать, стремиться.
- Он кивнул, и она сжала его руку.
- Я бы и не хотела видеть тебя другим, Кларк, – мягко выговорила она. – Ты очень славный. Я никогда не перестану любить все, из-за чего ты пропадаешь, – что ты живешь вчерашним днем и вообще коптишь небо, что ты такой безалаберный и добрый.
- И все равно уезжаешь?
- Да, потому что я никогда не смогла бы выйти за тебя замуж. Никто не займет твоего места в моем сердце, но если я здесь останусь, я не буду знать покоя. У меня будет такое чувство, словно я заживо себя схоронила. Понимаешь, во мне две души. Ты любишь ту, которая все время спит; а на другую нет уюта, из-за нее я бываю как сумасшедшая. И в других краях она может мне пригодиться, она будет при мне и тогда, когда я утрачу свою красоту.
- Порыв прошел, она оборвала себя и, сразу загрустив, вздохнула:
- Да что говорить...
- Медленно опустив голову на спинку сиденья, она подставила пахучему ветерку полуприкрытые ресницами глаза и растрепавшиеся стриженные волосы. Они уже выехали из города, с обеих сторон их обступало изумрудное буйство кустарников и травы, высокие деревья осеняли дорогу милосердной крапчатой тенью. По пути попадались убогие негритянские хижины с обязательным седым стариком, курившим кукурузную трубку на порошке, и стайкой полуголых негритят, прогуливавших по некошеной траве перед домом своих растерзанных кукол. Вдалеке, изнемогая, лежали хлопковые поля, и даже работники казались бесплотными тенями, которые сошлись не поработать, а кое-как исполнить некий обряд, издревле принятый здесь в эту пору. И все это сонное царство, эти деревья, лачуги и мутные реки затоплял зной, который был не наказанием, а милостью неба, одарявшего землю материнским теплом.
- Приехали, Салли Кэррол!
- Ребенок спит без задних ног.
- Отмучилась, бедняжка, лень ее сгубила.
- Вода, Салли Кэррол! Холодненькая!
- Она открыла сонные глаза.
- Надо же, – улыбнувшись, пробормотала она.

II

В ноябре из своего северного города приехал на четыре дня Гарри Беллами – высокий, широкоплечий, энергичный. В его планах было решить вопрос, остававшийся открытым с лета, со времени их встречи в Ашвилле. И вопрос решился быстро – хватило нескольких безмятежных полуденных часов и вечера у жаркого камина. Гарри Беллами подходил ей по всем статьям, не говоря уже о том, что она его любила, то есть предназначенной для этого стороной ее души он завладел всецело. А в душе Салли Кэррол всему было свое место.

Перед его отъездом они под вечер пошли гулять, и она почувствовала, как ноги сами ведут ее любимым маршрутом – на кладбище. Ласковое закатное солнце серебрило камни, золотило зелень, и у железных ворот она в нерешительности остановилась.

– Ты не меланхолик, Гарри? – со слабой улыбкой спросила она.

– Упаси бог!

– Тогда пойдем. Некоторые кладбища не любят, а мне нравится.

Они прошли в ворота и по дорожке углубились в волнистую долину могил; пятидесятилетние годы лежали пепельно-серые, неприбранные; семидесятилетние щеголяли причудливой лепкой цветов и урн; девятилетние поражали воображение страховидной красотой – на каменных подушках тяжелым сном спали упитанные мраморные херувимы, свисали гирлянды безымянных гранитных цветов. Кое-где у холмиков стояли на коленях женщины с живыми цветами в руках, большинство же могил оставались непотревоженными, и прелые листья на них источали аромат забвения.

Они поднялись на вершину холма и подошли к высокому круглому могильному столбику, испещренному пятнами сырости и наполовину скрытому выющим кустарником.

– Марджори Ли, – прочитала она. – Тысяча восемьсот сорок четыре – тысяча восемьсот семьдесят три. Подумать только! Умерла в двадцать девять лет. Милая Марджори Ли. Ты ее представляешь себе, Гарри?

– Да, Салли Кэррол.

Ее рука скользнула в его ладонь.

– Мне кажется, она была брюнетка, вплетала в волосы ленту и носила пышные юбки небесно-голубого или темно-розового цвета.

– Да.

– Какая она. была душенька, Гарри! Так и видишь, как она. стоит на. террасе с колоннами, встречая гостей. Наверное, многие мужчины надеялись после войны найти с ней свое счастье. Только был ли такой счастливец?

Он склонился ближе, всматриваясь в надпись на камне.

– Про мужа ничего нет.

– Разумеется, так гораздо лучше. Просто «Марджори Ли» и эти красноречивые цифры.

Она приникла к нему, и у него перехватило в горле, когда ее золотые волосы коснулись его щеки.

– Правда, ты видишь ее, как живую, Гарри?

– Вижу, – мягко согласился он. – Я вижу ее твоими чудесными глазами. Ты прекрасна сейчас, и, значит, она тоже была такая.

Притихшие, они стояли совсем рядом, и он чувствовал, как слегка вздрагивают ее плечи. Набегал порывистый ветерок, трепал мягкие поля ее шляпы.

– Пойдем туда.

Она указала на противоположный склон холма с широкой луговиной, где на зеленом ковре побатальонно, в затылок выстроились бесконечные ряды серовато-белых крестов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.